

От автора

Я была лишь одной из сотен детей, достигших совершеннолетия в Пейнсвилле, штат Миннесота, в 1980-х годах. Я росла со знанием, что в каждом маленьком городке сирена предупреждает о комендантском часе и трезвонит, чтобы в 21:00 дети были дома; что всех детей пугают Растлителем Честером; что люди, подглядывающие за тобой в окно, — это нечто совершенно обычное. У меня были дома определённые проблемы, одни детские, другие более серьёзные, но главным «фоном» моих детских и подростковых лет были слухи о мужчине, который охотится на детей.

Я выпустилась из школы в 1988 году и переехала в Миннеаполис.

Когда Джейкоба Веттерлинга похитили 22 октября 1989 года в Сент-Джозефе, штат Миннесота, в тридцати милях от Пейнсвилла, я собиралась бросить колледж на втором курсе. И все эти слухи моих ранних лет (*не выходи ночью, а то Честер тебя достанет!*) как будто снова на меня нахлынули. Фотографии Джейкоба были повсюду. Люди собирались вместе, чтобы найти одиннадцатилетнего мальчика, которого похитил человек в маске и с пистолетом. Дни сменялись неделями, а потом годами, но Джейкоба так и не нашли. И тут местный блогер стал писать о возможной связи между исчезновением Джейкоба и похищением и освобождением восьми мальчиков в Пейнсвилле и его

ДЖЕСС ЛУРИ

окрестностях в 80-х годах, и только тогда арестовали похитителя Джейкоба — двадцать семь лет спустя. Он показал властям, где лежат останки Джейкоба.

Это происшествие не давало мне покоя. Оно преследует многих из нас, кто жил и живёт на Среднем Западе, переворачивая с ног на голову все наши представления о маленьких общинах и безопасности детей. Истинную версию событий уже хорошо рассказали, и много раз, особенно в первом сезоне подкаста «*В темноте*». Мне же нужно было озвучить именно эмоциональные последствия тех событий. Как-то упорядочить мои воспоминания о том, как я росла в постоянном страхе. И когда Кэсси Макдауэлл, вымышленная героиня этой истории, явилась мне и умоляла рассказать её историю, я увидела свой шанс.

Хотя эта история вдохновлена реальными людьми и событиями, она полностью вымышлена. Но всё же я надеюсь, что персонаж Габриэля отдаст должное доброте всех этих девяти мальчиков.

Спасибо вам за прочтение.

Пролог

Запах этого грязного подвала жил во мне сдавленным криком.

В основном он не выходил из темного уголка моего мозга, но стоило только подумать о *Лилидейле*, как тут же набрасывался на меня и душил. Этот запах был хищным, пещерным зловонием, удушливой вонью огромного сонного монстра, состоящего полностью только из пасти и своего голода. Ряды банок были рядами его зубов, и лампочка, свисавшая с одинокого шнура, была его нёбным язычком. Он ждал терпеливо, безмятежно, пока деревенские дети, спотыкаясь, спускались по его главной лестнице.

Он позволял нам слепо искать на ощупь этот шнурок-язычок.

И вот наши пальцы его находили.

Свет!

Конфеты, солнце и серебряные доллары становились последней радостью, которую мы испытывали перед тем, как монстр глотал нас целиком, а после переваривал на протяжении тысячи лет.

* * *

Но это неправильно.

Моё воображение, как мне говорили, та ещё штука.

Монстром был не *подвал*.

А мужчина.

ДЖЕСС ЛУРИ

И он не был безучастен. Он охотился.

Я не возвращалась в Лилидейл с того самого вечера. Полиция, а потом мама спросили, не нужно ли мне что-то забрать из моей спальни, и я сказала нет. Я была тринадцатилетней, а не тупой, хотя многие путают два этих понятия.

А теперь, когда мне надо вернуться из-за его похорон, эта вонь из подвала мстительно окружила меня с удвоенной силой, впиваясь, как рыболовный крючок, глубоко в мой мозг. Этот запах прокрался даже в мой сон, убедив меня, что я снова оказалась в ловушке в том глухом грязном подвале. Я брыкалась и кричала, чем разбудила мужа.

Он меня обнял. Он знает всю историю.

По крайней мере, думает, что знает.

Я прославилась в своем первом романе, поделилась источником своего вдохновения во время книжного тура по стране. Но почему-то я никогда не упоминала об ожерелье, никому, даже Ною. Может, эта часть казалась слишком личной.

А может, я боялась выглядеть глупой.

Я могу закрыть глаза и представить его. В нынешнее время цепочку сочли бы слишком массивной, но в 1983 году она была на пике моды — золотая, из того же сплава, что и свисающий с нее амулет в виде бумажного самолетика.

Я верила, что этому ожерелью с самолетиком суждено стать моим билетом из Лилидейла.

Естественно, я не думала, что смогу на нём улететь. «Ага, конечно», — как мы тогда говорили. Но мальчик, который носил ожерелье? Габриэль? Я была уверена, что он всё изменит.

И, кажется, так он и сделал.

Глава 1

— Пятнадцать, два, ещё пятнадцать, четыре, и пара — шесть очков, — просияла Сефи.
Папа, сидящий на другом конце стола, улыбнулся настолько же сияющей улыбкой.

— Классный ход. Кэсс?

Я выложила на стол свои карты, пытаюсь не показывать своего злорадства, но получалось плохо.

— Пятнадцать, два, ещё пятнадцать, четыре, и ещё пятнадцать, шесть, а вот ещё целых десять очков!

Мама подвинула наш колышек на доске:

— Мы выиграли.

Не вставая с места, я изобразила торжествующий танец плечами:

— Могу дать тебе пару уроков, Сефи, если хочешь.

— В чём? В злорадстве? — закатила она глаза.

Я рассмеялась и потянулась за попкорном. Мама приготовила огромную порцию, пересоленную и облитую пивными дрожжами. Это было час назад, когда мы только начали вечернюю игру. К концу игры миска уже почти опустела. Я порылась в остатках, пытаюсь найти хоть отчасти белые попкоринки. Наполовину раскрывшиеся, как мне кажется, самые вкусные.

— Тебе ещё налить? — Папа встал, указывая на мамин наполовину полный бокал, потеющий на липком майском воздухе. В этом году лето наступило рано, — по крайней

ДЖЕСС ЛУРИ

мере, так говорил мой учитель биологии мистер Паттерсон. И это испортит всем урожай.

Его, казалось, это действительно беспокоило, но я была не единственным ребенком, который с нетерпением ждал наступления жары. Мы с Сефи планировали загорать до тех пор, пока кожа не приобретет цвет печеных бобов, а тёмные волосы не превратятся в блонд. Она слышала от подруги её подруги, что детское масло на коже и уксус на волосах работают не хуже тех дорогих масел для загара с кокосовым ароматом и солнечных спреев для волос. Мы даже шептались о том, что можно найти место на краешке нашего участка, где на краю леса вырыта канава, и позагорать там голыми. Эта мысль вызывала приятную дрожь. Мальчикам не нравятся следы от загара. Об этом я узнала в «*Маленьких прелестницах*».

Мама подняла свой бокал и допила всё, что осталось, а потом протянула его папе.

— Спасибо, любимый.

Он подошел к ней и наклонился, чтобы крепко поцеловать, прежде чем забрать бокал. Теперь я закатила глаза вместе с Сефи. Мама и папа, в основном папа, регулярно пытались убедить нас, что нам повезло, что они все еще так любят друг друга, но *гадость* же.

Папа оторвался от поцелуя и увидел наше выражение лиц. Он рассмеялся своим беззвучным смехом, этакое немое *хе-хе-хе*, и поставил оба бокала, чтобы освободить руки и помассировать мамины плечи. Они были привлекательной парой, люди постоянно так говорили. Мама была очень красивой, и любая ее, даже нечёткая фотография служила этому доказательством, и у неё всё ещё были блестящие каштановые волосы и большие глаза, хотя после наших с Сефи родов её бедра и животик и стали больше. Папа тоже был красавцем, особенно учитывая нынешнюю популярность Чарльза Бронсона*. Сразу было видно, поче-

* Американский киноактер, известный главным образом благодаря ролям в вестернах.

КОГДА ДЕРЕВЬЯ МОЛЧАТ

му они поженились, особенно после того, как мама, выпив бокал вина, рассказывала, что её всегда тянуло к плохим мальчикам, даже в старшей школе.

Моя семья была маленькой: только мама, тётя Джин, моя старшая сестра Персефона (мои родители были помещаны на греческих именах) и папа. Я не знала никого из семьи с папиной стороны. Они не стоили и плевка, по крайней мере, так поклялся мой дедушка бабушке с маминой стороны той зимой, когда он умер от инфаркта миокарда. Бабушка не стала спорить. Она была покладистой леди, от которой всегда пахло свежеспеченным хлебом независимо от времени года. Через несколько недель после смерти дедушки она умерла от удара, и звучит это так, будто это было убийством, но всё не так.

Они, родители моей мамы, потеряли сына, когда мне было три года. Наверное, он совсем спятил. Люди говорили, что он умер во время игры «у кого кишка тонка» в Камаро 79-го года, вероятно, пьяный. О дяде Ричарде я помнила только одно. Это было на его похоронах. Джин плакала, но мама плакала громче и подошла к дедушке, собираясь его обнять. Но он отвернулся от неё и так и стоял, с выражением лица грустнее, чем у потерявшегося ребёнка.

Я спрашивала её об этом лишь однажды, о том, почему дедушка её не обнял. Она ответила, что вряд ли я могла запомнить что-то чётко, потому что была слишком маленькой, и потом, прошлое должно оставаться в прошлом.

— Мне кажется, ваша мама — самая красивая женщина в мире, — вдруг сказал папа, потирая мамины плечи, пока она сидела с закрытыми глазами и мечтательным выражением лица.

— Да я и не спорю, — сказала я. — Просто снимите уже комнату.

Папа всплеснул руками, его улыбка была чуть кривоватой.

— У меня же есть целый дом. Это тебе надо научиться расслабляться. Сейчас я и тебе плечи потру.

ДЖЕСС ЛУРИ

Я перевела взгляд на Сефи. Она щелкала согнутым углом игровой карты.

— Нет, я в порядке, — сказала я.

— Сефи? Может, у тебя затекла шея?

Она пожала плечами.

— Вот это я понимаю!

Он подошёл к ней и положил руки на её костлявые плечи. Она была на два года старше меня, но худой, что бы ни ела, с белозубой улыбкой и ямочками на щеках, Кристи Макникол* бы обзавидовалась, хотя я скорее съем свои волосы, чем признаю это вслух.

Папа начал массировать плечи Сефи.

— Хорошо чувствовать себя хорошо, — тихо сказал он ей. От этого у меня внутри всё зачесалось.

— Может, снова сыграем в криббидж?

— Скоро, — ответил мне папа. — А сначала я хочу услышать о ваших мечтах на лето.

Я застонала. Папа обожал мечты. Он верил, что ты можешь стать кем только захочешь, но сначала нужно это «представить». Попахивает хиппи-диппи, но к этому можно привыкнуть. Мы с Сефи переглянулись. Мы знали, что папе не понравится наш план превратиться в блондинок, тут и к гадалке не ходи. *«Девочкам не надо пытаться стать кем-то для кого-то»*, — скажет он там. Мы сами должны управлять своим сознанием и телом.

Опять же *гадость*.

— Я хочу навестить тётю Джин, — предложила я.

Мама сидела с полузакрытыми глазами, но при упоминании сестры тут же воспряла.

— Отличный план! Мы можем на неделю поехать в Канаду.

— Превосходно, — согласился папа.

Моё сердце затрепетало. Мы почти никогда не ездили дальше, чем по шоссе в Сент-Клауд за продуктами, но те-

* Американская киноактриса

КОГДА ДЕРЕВЬЯ МОЛЧАТ

перь, когда мама работала учительницей на полную ставку, ходили разговоры о том, что этим летом можно будет куда-то поехать. И все же я боялась предложить навестить тётю Джин. Если бы мама с папой были не в том настроении, они бы зарубили эту идею на корню, а я правда хотела потусоваться с тётей Джин. Я безумно её любила.

Только она одна не притворялась, что я нормальная.

Она была с нами, когда я родилась, осталась ещё на несколько недель после, чтобы помочь маме, но моё первое настоящее воспоминание о ней было сразу после похорон дяди Ричарда. Тётя Джин была на десять лет моложе мамы, а значит, ей тогда было не больше семнадцати. Я заметила, как она пристально смотрела на моё горло — это делают многие люди.

Вместо того чтобы отвести взгляд, она улыбнулась и сказала:

— Если бы ты родилась двести лет назад, тебя бы утопили.

Она говорила о красном, похожем на верёвку шраме, который окружал то место, где моя шея переходила в плечи — толстый, как одна из золотых цепей мистера Ти. Судя по всему, я вылетела из мамы с пуповиной, обвитой вокруг горла, а моё тело было синим, как ягодный фруктовый лёд, глаза широко раскрыты, хоть я и не дышала. И вышла я так быстро, что доктор меня уронил.

Ну, по крайней мере, так мне говорили.

Так я и висела, как на трапеции, пока одна из медсестёр не подлетела и не размотала пуповину, которая меня душила, раскрыв амниотическую повязку. Сообразительная медсестра разрежала её, а потом ударила меня, чтобы я заплакала. Она спасла мне жизнь, но та повязка меня заклемила. Мама сказала, что сначала это повреждение было похоже на сердитую алую змею. Выглядело весьма драматично. В любом случае, подозреваю, что медсестра была немного взволнована, когда наконец передала меня. Это было фиаско, настоящая врачебная ошибка. А ещё за

ДЖЕСС ЛУРИ

несколько лет до этого на экраны вышел «Ребёнок Розмари», и все в той комнате гадали, отчего же я с такой силой вылетела из материнской утробы.

— Негоже было бы держать ребёнка, которого собственная мать дважды пыталась задушить, — закончила тетя Джин, потрепав меня за подбородок. Я тут же подумала, что это хорошая шутка, потому что они с мамой были сёстрами и обе они любили меня.

Вот еще одно безумное высказывание, которое тётя Джин любила мне бросать:

— Это Земля. Если ты знаешь, что делаешь, значит, ты не на том месте.

Она повела своими густыми бровями и закурила воображаемую сигару. Я не знала, откуда был этот жест, но она так заразительно хихикала — ее смех был похож на звон стеклянных шариков, отражающих солнечный свет, — что я засмеялась вместе с ней.

С этого начинался любой визит тёти Джин. Шутка про то, как меня надо утопить, парочка пространных цитат про жизнь, а потом мы танцевали под её кассеты *Survivor* и Джонни Мелленкампа. Она рассказывала мне всё о своих путешествиях и разрешала попивать медовый ликёр, который она тайком привезла из Амстердама, или предлагала мне печенье, которое она так любила, а я притворялась, что оно не такое уж и солёное. Сефи всегда хотела присоединиться к нам, я видела, как она мнётся рядом, но она никогда не знала, как правильно запрыгивать на аттракцион под названием «тётя Джин».

А я знала.

Мы с тётей Джин были *закадычными подружками*.

Так я легче воспринимала то, что папа любил Сефи намного больше меня.

Я сморщила нос. Он прямо-таки светился от этих массажей. Мама ушла, чтобы налить им с папой ещё вина, хотя это он предложил, потому что уже затянул с плечами Сефи.

КОГДА ДЕРЕВЬЯ МОЛЧАТ

— Сефи, — спросила я, потому что её глаза были закрыты, а мне это надоело, — а какая у *тебя* мечта на лето?

Она ответила тихо, почти что шёпотом:

— Я хочу устроиться на работу в кафе-мороженое.

Папины руки перестали массировать. У него на лице возникло выражение, которому я не смогла придумать название, хотя мне казалось, что я почти его уловила. Он тут же сменил эту странную гримасу на глуповатую улыбку, которая приподняла его бороду на пару сантиметров.

— Здорово! Ты сможешь отложить на колледж.

Сефи кивнула, но внезапно стала казаться какой-то слишком уж грустной. С самого декабря у неё постоянно мистически менялось настроение. Такая смена темперамента совпала со временем, когда у неё появились сиськи («*Санта-Клаус доставил!*» — дразнила её я), так что даже мне не нужно было быть Лорой Холт из «*Ремингтон Стил*»*, чтобы понять, что одно событие связано с другим.

Мама вернулась в гостиную с полным бокалом в каждой руке, всё её внимание было приковано к отцу.

— Сыграем ещё раз в криббидж?

Я откинулась назад, чтобы взглянуть на кухонные часы. Была половина одиннадцатого. Все ребята, с которыми я говорила, считали крутым тот факт, что у меня не было время «отбоя». Пожалуй, я согласна. И всё же завтра начиналась последняя неделя моего седьмого класса.

— Я пойду спать. Можете поиграть втроём, если хотите. Мама кивнула.

— И пусть тебя не кусают клопы! — сказал папа.

Я даже не взглянула на Сефи, когда уходила. Мне было неприятно оставлять её с ними, когда они уже выпили, но потом я решила, что мы теперь квиты, если учитывать, что она всегда засыпала первой в те ночи, когда мы оставались

* Американский детективный сериал 1980-х годов, главная героиня которого — Лора Холт — талантливый детектив, вынужденный скрываться под мужским именем, так как клиенты детективного агентства не привыкли доверять женщине.

одни и иногда спали вместе. Она разрешала мне лечь к ней в кровать, и это было очень мило, но потом она вырубалась, как выключатель, а я лежала там и мучалась от каждого звука, а в таком старом доме, как наш, ночью было много необъяснимых стуков и скрипов. А когда я наконец засыпала, прикрыв одеялом всё, кроме рта и носа, у неё случался спазм, и я снова просыпалась.

Я пыталась вспомнить, пока шла в ванную, когда в последний раз мы спали в одной кровати, но не могла, как ни старалась. Я сполоснула лицо, затем потянулась за зубной щёткой, придумывая завтрашний наряд. Если я проснусь на сорок пять минут раньше, то могу взять горячие бигуди, но я не договорилась с Сефи и уже вышла из-за стола. Я почистила зубы и сплюнула, прополоскав рот все той же колодезной водой с привкусом металла, от которой кончики моих волос стали оранжевыми.

Я не смогла бы оказаться в своей спальне наверху, минувшая угод гостиницей. Я не отрывала глаз от пола, высоко подняв плечи и погружившись в свои мысли. Моя домашняя работа была сделана, все тетрадки сложены в мою папку, совсем ещё новенькую, за исключением заклеенного скотчем разреза около шва, даром что я нашла её на гаражной распродаже.

Первым уроком завтра должен был быть английский, но вместо этого нам объявили общий сбор в спортзале. Развешанные повсюду плакаты объявляли «Симпозиумом по самосохранению», который некоторые умные восьмиклассники сократили до «Симпозиума змей». ССС. На этой неделе до меня дошли слухи, что дети Лилидейла исчезают, а потом возвращаются изменившимися. Все это слышали. Инопланетяне, как утверждали старшие ребята в автобусе, хватили детей и *исследовали* их.

Я знала все об инопланетянах. Когда я стояла в очереди за покупками, большеглазые зеленые существа смотрели на меня с обложки «Нэшнл Инквайрер» прямо под фоткой обезьяньего ребёнка-вампира Элизабет Тейлор.